

О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ РУСИЗМОВ В БЕЛОРУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

В кругу проблем, касающихся стилистического употребления лексических русизмов, интерес представляет также комплекс вопросов о способах введения и графического оформления, а также о возможных приемах семантизации русского лексического материала, включенного в белорусский художественный текст. Как свидетельствует фактический материал, пути их решения довольно разнообразны и, как правило, определяются индивидуальными художественно-стилевыми особенностями творчества того или иного писателя. Однако здесь можно отметить наиболее типичные способы решения данных вопросов.

Если обратиться к способам графического оформления лексических русизмов в белорусском художественном тексте, то здесь актуальным остается замечание Г.П. Ижакевич, сделанное по поводу графической передачи украинизмов: “В русском литературном языке до этого времени не существует единого выработанного, общепринятого принципа графической передачи элементов украинского языка” [1, с. 260]. Действительно, приходится наблюдать, что в одних случаях русское слово, введенное в белорусский художественный текст, сохраняет свой графемно-фонетический, а также орфографический облик. Такое словоупотребление, как правило, формально маркируется – берется в кавычки: *Але шумныя “об’ясненія” не парушалі нашай дружбы* (Шамякін. Зеніт). В некоторых примерах формальные маркеры могут отсутствовать: *У якіх одежнях! Шык!* (Шамякін. Зеніт).

В большинстве же случаев русская лексика, введенная в белорусский текстовый массив, получает графемно-фонетическое и грамматическое оформление в соответствии с существующими нормами белорусского литературного языка. Чаще всего такая лексика вводится в белорусский текст

без всякого указания на ее иноязычность. В таком случае сама лингвистическая природа русского слова, умело подобранный контекст, языковой и жизненный опыт коммуниканта способствуют реализации семантико-стилистической целевой установки употребленного русизма.

Лексические русизмы, введенные в художественный текст на белорусском языке, могут формально маркироваться. Так, например, и в речь персонажа, и в авторский текст лексические русизмы могут включаться как элементы чужого словоупотребления. Обычно подобное включение русской лексики сопровождается использованием различного рода формальных маркеров. Так, формальной приметой чужой речи может служить ряд специальных вводных слов и предложений: *Спрос, як рускія кажуць, малы* (Караткевіч. Чорны замак Альшанскі). Лексические русизмы как элемент чужого словоупотребления могут выделяться с помощью такого формального маркера, как кавычки: *Многія з іх сваім "полевым жалованнем" падтрымлівалі сем'і* (Шамякін. Петраград – Брэст). В ряде случаев употребление лексических русизмов в рассматриваемой функции характеризуется сочетанием различных способов их формальной маркировки: *"Азарство адно", як мой дзяничык казаў* (Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім). Наличие различных формальных маркеров демонстрирует осознанность использования русской лексики, позволяет автору (или персонажу) отмежеваться от включения русского слова, подчеркнув тем самым его употребление в определенных стилистических целях.

Решению художественных задач служат и другие приемы введения лексических русизмов в белорусский текст. В этом смысле интерес представляют случаи употребления в одном предложении или в близлежащем контексте русского слова и его белорусского соответствия или семантически соотносимого с ним белорусского слова, в результате чего возникают пары синонимически сближенных лексем обоих языков.

Так, например, появление русско-белорусских лексических параллелей может обуславливаться прямой речью персонажа и авторским текстом. В таких случаях употребление двуязычных номинаций регламентируется ориентацией на разных субъектов речи (автор, персонаж) с присущими каждому из них речевыми навыками:

– *А вот гэтую абложку?*

*Цераз стол ён кінуў яму складзеныя кардонкі **вокладкі*** (Быкаў. Кар'ер).

Использование подобных русско-белорусских лексических параллелей можно было бы рассматривать как один из возможных приемов семантизации русского слова. Однако применительно к русской лексике, которая, как правило, известна белорусскому читателю и поэтому не требует специ-

альных толкований, думается, такой способ введения преследует не столько цель ее семантизации, сколько создание определенных стилистических эффектов.

Таким образом, различные способы введения лексических русизмов, которые в каждом конкретном случае несут на себе печать индивидуально-авторского своеобразия, способствуют реализации художественных функций таких слов в белорусском художественном тексте.

Литература

1. *Ўжакевич Г.П.* Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу. – Київ: Наук. думка, 1969. – 302 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова